

Высокие стены из сандалового дерева [1]. Фигурные оконные створки, через которые ветер заглядывал внутрь и покачивал широкое панно с символом зверя за узкими женскими плечами. Госпожа бросила гневный взгляд сначала на сына, а после на пустующее место в центре приемного зала. Как всегда, глава клана отсутствовал, и уже второй месяц от него не было никаких известий. Никто не знал, когда отец семейства вернется из важной поездки на Юг. И тем не менее на его стол всегда ставили свежие фрукты, которыми он мог перекусить, если неожиданно прибудет поздней ночью.

[1] Сандаловое дерево имеет насыщенный красный цвет древесины.

Гнев госпожи У не унимался, и она нарочито громко постукивала ногтями по столу. Напротив нее расположились наставник и его воспитанник, которые, смирившись с ситуацией, молча склонили головы. Кто знает, что может прийти ей на ум: за дни и ночи, проведенные в одиночестве, женское сердце охладело и превратилось в камень.

Минуты молчания под перестук прелестных пальцев тянулись неумолимо медленно. Наконец, не выдержав гнетущей атмосферы, У Чан промолвил:

— Ма... матушка-государыня [2]...

— Молчи! Пока я не решила, как тебя стоит наказать! Позоришь наше имя, наш клан, мало тебе показалось извиняться перед семейством Бань за испачканные сиденья на чайной церемонии, так ты в отместку решил натравить на их сына местных шарлатанов, что оставили бедного мальчика без кошелька!

[2] Матушка-государыня [□□] — формальное обращение наследников к главенствующей госпоже или маме.

Го Бохай впери́л взор в У Чана, и тот, неожиданно залившись краской, отвернулся от пары серых глаз. Вопрос в голове наставника возник сам собой: «Снова сын семейства Бань?»

В раннем возрасте У Чан был довольно хулиганистым. Го Бохай мог лишь смиренно ждать, когда период становления характера ребенка завершится. Вдобавок наставник не мог сердчать на своего воспитанника, когда сам замечал завистливые насмешки со стороны господ и их детей. Сын начальника округа как раз был одним из таких. Отношения двух молодых людей не заладились почти сразу, и вспыльчивый нрав У Чана только усиливал эту взаимную неприязнь. Тем не менее его прошлые поступки можно обозначить как детские, лишённые жестокости шалости. Маловероятно, что он сделал бы то, в чем его обвиняют. Со всей серьезностью Го Бохай готов заявить — его ученик давно вырос, и госпожа У должна была это осознавать.

У Чан с растерянным видом уставился на пол.

— Уважаемый Бань отвечает за округ Цзыю [3], в состав которого входит множество городов, в том числе и столица Тяньцзинь! На Севере он третий по значимости господин!

[3] Цзыю [□□] — «свобода, свободный».

Уже позабыл, как именно он может повлиять на твое будущее? Ты... — речь женщины стала прерывистой, — не дожидаясь вознесения, решил перечеркнуть свое будущее?!

Переживания хозяйки горы Хэншань были уместны. Даже ее последующего удара кулаком о стол не требовалось, чтобы оба, наставник и сын, осознали всю тяжесть возможного конфликта: семейство Бань считалось одним из самых влиятельных на Севере, к мнению его

главы прислушивались многие, в том числе и старейшины, играющие немаловажную роль летописцев. Их главной заботой было время от времени наблюдать за достижениями будущих богов с самого их рождения. Доверяя достопочтенному господину Бань Хэню, они могли легко сделать не самую приятную заметку о любом, на кого тот укажет.

Приподнявшись, У Чан как бы в ответ матери стукнул по столу.

— И что же теперь, винить меня по любому поводу?! Даже если я не виновен?

За те годы, которые У Чан провел подле наставника, госпожа очерствела и охладела к своей плоти и крови настолько, что верила любому слову извне, но не сыну. Можно было подумать, что для матери он стал источником всех ее прошлых и будущих неудач. У Чану ничего не оставалось, кроме как отбиваться от ее обвинений, не дожидаясь и намека на снисхождение. Вечно раздраженный от всего, что бы она ни сказала, со сведенными к переносице бровями и плотно сжатыми губами — таким он был с рождения, таким знала его госпожа. В летописях о небожителях, которые велись старейшинами, напротив имени юного господина У давно стоит заметка: «скверный характер».

Госпожа У впала в замешательство.

— Невоспитанное дитя! Нужно еще и напомнить, какая ответственность возложена на твои плечи...

— Зачем повторяться? — У Чан темной тучей повис над столом. — Вы, матушка-государыня, только и знаете, как обсуждать мою ответственность перед народом... Позвольте закончить этот разговор.

Словно побег бамбука, не гнувшийся под гнетом стихии, У Чан демонстративно развернулся и направился к выходу. В ту же секунду глухой удар кулаком по столу эхом разлетелся по залу.

— Вернись на место! Но У Чан словно потерял слух. — Неделя... месяц тебе на обдумывание содеянного! — продолжал женский голос ему вслед. — Тебе запрещено покидать поместье! А если ослушаешься, обещаю — в этот раз я все доложу главе!

Предупреждение успело добраться до У Чана. Прежде чем он захлопнул за собой дверь, мать и наставник услышали:

— Как пожелаете.

Не растерявшись, госпожа У повернулась к Го Бохаю и пригрозила:

— Ты ответствен за его поведение и поэтому первым понесешь наказание, если не образумишь его!

Вот и прозвучали те самые неприятные для Го Бохая слова. За четырнадцать лет терпение матери истончилось. Предать сына более серьезному — физическому — наказанию не позволяли как правила высших домов, так и этические соображения. О таком происшествии быстро выведали бы богатые сплетники, которые были бы крайне рады предать известие большей огласке. О скверных поступках наследника клана узнал бы и народ Севера, который к тому же ожидал от избранного Небесами исключительно благих деяний и намерений. Вдобавок не стоило забывать, что тело будущего бога для смертных представляло собой духовный храм, за осквернение которого любого могла постичь кара. И именно последнее приносило боль всякому семейству, где рождался избранный. Никто из родных понятия не

имел, как именно воспитывать будущего покровителя, чтобы он вырос без клеш [4] и с чистыми помыслами. Поэтому госпожа У и пригрозила Го Бохю: его положение предполагало, что он будет нести ответственность за проступки воспитанника с ним наравне. Пока что всё ограничивалось ворчанием и острыми высказываниями за закрытыми дверями поместья, но чувство, что он вот-вот сорвется со скалы, которую так долго пытался покорить, становилось все ощутимее.

[4] Клéша в буддизме обуславливает омрачение сознания, его загрязнение вещами, которые делают людей несчастными (страсть, зависть и т. д.). Обозначает негативное восприятие мира, мешающее ощущать мир таким, какой он есть в действительности.

Скользнув взглядом по свисающим до плеч волосам наставника, госпожа с суровым видом удалилась из зала, так же хлопнув дверью, как и сын.

На долгое время во всем поместье главенствующего на северных землях семейства воцарилась мертвая тишина. Никто из слуг не осмеливался обсуждать ссору госпожи и юного наследника и то, что оба не разговаривали друг с другом уже месяц. В такие моменты хозяйка горы Хэншань была сама не своя, любой неоднозначный взгляд со стороны прислуги мог спровоцировать женщину вновь взяться за хлыст. Но в этот раз боль и страдания обошли всех стороной.

Срок наказания юного господина прошел. Запрет покидать родные стены никак не сказался на его делах, однако сам этот факт сильно тяготил У Чана. Вечерние трапезы проходили в разных концах поместья. За те дни, что уже успели пролететь, сын не единожды отказывал матери в приеме, чем сильнее подливал масло в огонь их конфликта. Слуги только и слышали гневное «нет» наследника и возмущенное «да как он смеет!» госпожи. Но, как считал наставник, У Чан поступал так не со зла. Просто в ученике бурлила горячая кровь, такая же, как у его родных, и требования матери неукоснительно явиться к ней только подогревали желание поступить с точностью до наоборот. Чем больше госпожа гневалась на сына, тем чаще он творил что-то возмутительное. Как, например, сейчас: У Чан, стоя перед садом, что так любила его мать, прожигал взглядом небольшой распутившийся куст орхидеи. Мысли крутились в голове и сходились только в одном. Но вовремя подоспевший наставник быстро сообразил, что необходимо вмешаться.

— Надеюсь, ученик не собирается трогать цветок, что с большой заботой взрастила госпожа?..

Не отрывая взгляда от растения, о котором госпожа и правда заботилась гораздо больше, чем о сыне, У Чан покачал головой.

— Хорошо, а то я уже невесть что подумал, глядя на твой суровый вид.

На эти слова У Чан никак не отреагировал. Казалось, он сделает то, о чем подумал Го Бохай, и прямо на глазах учителя. Тонкие пальцы ущипнули наследника за ухо.

— Ау! — У Чан схватился за покрасневшее место, пытаясь прикрыться от последующих нападок.

Старая привычка Го Бохая мягко теревить воспитанника то за щеку, то за ухо вдруг не прибавила радости на юном лице. У Чан даже не обернулся. Поэтому Го Бохай оставил свои мудрые рассуждения на потом. Развернувшись и махнув рукой, он произнес:

— Идем, тебя все еще ждут тренировки.

Последовав за наставником, У Чан все же поднял голову и заметил пару местных служанок. Стоя поодаль, девушки время от времени перешептывались и косились на него. На них обратил внимание и Го Бохай.

— Не трать свой пыл зря. Их явно озадачила госпожа, заставив приглядывать за тобой...
— убедил он и себя.

Однако поначалу он все же заподозрил неладное. Госпожа ни разу не опускалась до того, чтобы отдавать подобные приказы. Но ведь слуги в поместье могли следить за его воспитанником по чужой просьбе: например, богатые люди из города у подножья Хэншань договаривались о таком с местными слугами и даже как-то раз из любопытства старательно расспрашивали Го Бохая, и все для того, чтобы позже было о чем спорить друг с другом. Поэтому лучше бы это был указ госпожи.

Го Бохай повернулся к ученику и по сжатым в кулаки рукам понял, как близко к сердцу тот принимает «добродушный» жест матери. Наставник не смог оставаться твердым и положил руку ему на плечо. Закрывая собой силуэты сплетниц, он тихо сказал: «Ну же...» — и У Чан наконец-то отвернулся от них.

Желание защитить юную и ранимую натуру овладевало наставником изо дня в день все больше, он словно чувствовал, как тяжело на душе у юноши, которого с рождения только и призывали к ответственности. Предвзятое отношение окружающих, строгость матери, вечное отсутствие главы и ворох сплетен, терзающих молодой ум, — все это Го Бохай пытался забрать себе, оставив воспитаннику только приятные моменты из земной жизни перед вознесением.

Задний двор, где располагалось тренировочное поле поместья У, был наполнен звуками рассекающегося взмахами меча воздуха, шарканья сапог и звонких выкриков. У Чан, вкладывая все силы в удар, вместе с выдохом выпускал накопившуюся злость.

— Если ученик будет и дальше так неразумно бить своим мечом, он быстро выдохнется...

В пяти шагах от тренирующегося восседал наставник, приняв бирманскую позу и держа меч, спрятанный в ножны, на ногах. Он листал один из томов «Демонов и тьмы», изредка поглядывая на юного господина, и добавлял:

— Неправильная стойка. И расслабь плечи, иначе вечером не разогнешь спину.

Сопровождая действия У Чана замечаниями, Го Бохай продолжал досконально изучать книгу: еще ни одно произведение Поднебесной не попало к воспитаннику из его рук, не пройдя тотальную проверку. С каждым годом тома, несущие бесценные тексты, все чаще искажались, действительно важная информация заменялась ложными или неверными фактами, поэтому ему приходилось денно и нощно их перечитывать.

Он постоянно — с раннего утра до поздней ночи — ходил с разными книгами. Го Бохай был охвачен идеей вознесения наследника клана У и прилагал все усилия к тому, чтоб облегчить этот путь. Но спросил ли кто у самого избранного Небесами, желает ли он того... Когда будущий небожитель будет проходить обряд вознесения, поднимаясь в небесные чертоги, все, что будет скрыто у него за душой, явит истинный облик, и лучше бы к тому дню она была чиста, а не наполнена сожалениями.

Остервенелые взмахи меча наконец утихли. Молодой господин вымотался и теперь, опираясь на меч, старался отдышаться. Жар от солнца и тела проступил каплями на коже, которые скатывались со лба и попадали за ворот. Промокнув тканью рукава лоб и переведя дух, он небрежно откинул меч в сторону и улегся у ног занятого чтением наставника.

— Разве тренировка закончилась? — не отрывая взгляда от книги, непринужденно задал вопрос Го Бохай.

Юный господин пытался восстановить дыхание и ничего не ответил. Лежа на спине, У Чан поглядел вверх, на солнце: оно было ослепительно ярким и безжалостно горячим — пришлось избегать с ним зрительного контакта и повернуть голову направо, где была лишь горная пустошь, а вот слева... Он повернул голову в сторону, и взгляд его сразу замер. Тут, на голой, ничем не прикрытой земле сидел мужчина, склонивший голову над листами. Его серые, как грозовые тучи, глаза бегали по строкам, а брови иногда в удивлении поднимались и вновь возвращались обратно. Это лицо У Чан знает досконально: от небольшого шрама на ухе, скрытого под короткими волосами, до губ, по привычке терзаемых наставником, когда он о чем-то задумывался. Как он любил увлеченно проникать в суть книги, так его ученик любил рыскать по его лицу взглядом в поисках новых странностей. Сам У Чан избегал встречи с добрыми глазами Го Бохая, так как они влияли на него странно: после попадания в их чарующие оковы юному господину хотелось творить добро. В такие моменты он чувствовал себя одухотворенно, невесомо, ему хотелось спасти кого-то или в крайнем случае помочь изможденным лесникам, срубив для них пол-леса, — все, лишь бы избавиться от этой внезапно появившейся легкости.

— Учитель, — окликнул его У Чан, — знаете ли вы что-нибудь о чистилище?

Молодой господин У не просто так заговорил о нем: желание увидеть учителя с другой стороны, упомянув о новом для себя месте, вдруг зажглось надеждой. У Чан никогда не расспрашивал наставника о том, что вычитывал в книгах с блошиного рынка, — это просто разозлило бы Го Бохая, но сейчас он решил поделиться этим, дабы увидеть удивление на этом прекрасном и умиротворенном лице.

— Чистилище...—повторил Го Бохай тихо, себе поднос. — Да. Почему ты спросил?

Выйдя из читательского транса, он слегка приподнял голову и, на секунду взглянув в сторону ученика, встретил черные глаза тигра [5], впившиеся в него. В ту же секунду У Чан отвернулся обратно к солнцу и, прикрывая веки от слепящего света, продолжил:

— Ничего особенного, просто я на рынке купил несколько книг, одна из них повествует о пристанище потерянных душ, но учитель ничего подобного мне не рассказывал...

— Потому что еще рано, — мужчина вернулся к чтению. — О нем информации в этом мире немного... А если и есть, то неверная. Когда придет время, ты о нем прочтешь.

[5] Китайцы любят гадание по внешнему облику, чтобы предопределить будущие качества человека. Глаза, напоминающие глаза тигра, свидетельствуют о бесстрашии, энергичности, благородстве, упрямстве и удачливости человека, который также склонен к бунтарству и является преданным другом. Глаза выглядят как прямоугольные, будто бы обрезанные сверху и снизу, но внешний край у них округлый.

На лбу наставника возникла маленькая тень от прямых бровей: известие, что ученик читает невесть что, затронуло его сердце.

— Учитель! — М-м-м? — мужчина вновь поднял голову.

— Я правда не делал того, в чем меня обвиняют мама и начальник округа Бань. Этот ученик не стал бы вам врать о таком. Я обещал...

— У Чан, я...

— Вы мне верите?! — юноша сознательно перебил его, ожидая услышать краткий ответ.

Наконец собрав в кулак всю волю, что оставалась в обессиленном теле, У Чан повернул голову и заглянул в слегка ошарашенные глаза. Спустя тридцать дней он произнес то, что крутилось у него в голове, невзирая на опасения попасть под чары серых очей наставника... Страх того, что единственная опора в его жизни пропадет, даст ему упасть, охватывал сердце острой, мучительной болью, не давал даже вздохнуть. В его груди все сжалось так, что на лбу выступила холодная испарина, живот скрутило от ужаса, а руки и ноги стали ватными. Всеми силами он заставлял себя не отводить взгляд, не обращать внимания на тошнотворное состояние, бросающее в ледяющий ужас.

— Я верю тебе, — ответил Го Бохай.

Но такой ответ не успокоил юное сердце. Оказывается, в глубине души не эти слова У Чан хотел услышать — соврать было не так сложно. Взрослеющий наследник понимал это и никак не мог убедить себя в правдивости сказанного. Мысли, что роились в голове, пожирали его: кому можно верить, кто говорит правду, действует ли этот господин, сидящий рядом, из добрых побуждений? И с каждым годом У Чан зарывался в них все глубже: почему-то именно сейчас ему было важно знать, кто останется с ним по одну сторону, а кто предательски воткнет нож в спину.

Го Бохай заметил поникший взгляд и добавил: — Даже если бы ты мне наврал, я все равно поверил бы тебе. Солнце будто бы стало в десять крат ярче. Толстые серебристые брови, напрягшиеся под гнетом дурных догадок, в удивлении поднялись, а щеки, и так красные от тренировки, зарделись еще пуще. У Чан, ничего не ответив, резко подскочил и устремился к брошенному на земле мечу.

<http://tl.rulate.ru/book/68131/1810941>